ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ: ПРОБЛЕМА ИРРАЦИОНАЛЬНОСТИ

УДК 304.444

А. А. ЛОБЖАНИДЗЕ

В современной политологии имеется тенденция отождествления мифического и иррационального, в рамках которой подчёркивается иррациональная сущность «политической мифологии». Например, А. Цуладзе в монографии «Политическая мифология» подчёркивает, что миф имеет иррациональные корни» [7, с. 163].

Несмотря на то, что в работе А. Цуладзе содержится немало интереснейших и актуальных положений в области исследований политической мифологии, с его интерпретацией мифа как «иррационального» нам трудно согласиться. Отчасти такая интерпретация связана с тем, что А. Цуладзе не занимается специальной разработкой проблемы иррационального, а опирается на некоторые тенденции политологии и социальной философии в интерпретации иррационального. Вывод об «иррациональных корнях мифа» А. Цуладзе делает на основе выявления составляющих, которые зачастую в специальной литературе причисляются к иррациональному. А. Цуладзе показывает, что средой обитания мифа являются человеческие эмоции и чувства, управление эмоциями осуществляется на основе стереотипов, в мифологии зашифрованы переживания и опыт народа, её создавшего и т. д. [7, с. 163]. А эти характерные составляющие мифа (эмоции, стереотипы, опыт как традиция) другими авторами нередко отождествляются именно с иррациональным. Аргументы сторонников и противников такого подхода в различных отраслях социального знания уже не раз сталкивались в научной литературе (см. подробнее об этом [1]).

Поскольку подобный подход является распространённым, следует особо остановиться на его эвристических возможностях применительно к политологии, к исследованию политической мифологии.

Объяснения современной психологии исключают кардинальное противопоставление эмоций сознательной деятельности, подчёркивают, что эмоции сопровождают практически любые проявления жизни и деятельности, а также служат одним из главных механизмов внутренней регуляции психической деятельности и поведения, направленных на удовлетворение потребностей (мотивации). «Положительные эмоции, вызываемые полезными воздействиями, побуждают субъекта к их достижению и сохранению. Отрицательные эмоции стимулируют активность, направленную на избежание вредных воздействий» [3, с. 552]. В политике особенно проявляется, что эмоционально окрашена не только адаптивная деятельность, но и аналитическая, и прогностическая. То есть виды деятельности, традиционно относящиеся к «рациональным», основанным на «расчёте», нельзя считать свободными от эмоциональной составляющей. Можно согласиться с авторами, утверждающими, что роль эмоций в политике огромна, но движущими силами политики всё-таки являются не сами эмоции, а те потребности, возможность или невозможность удовлетворения которых сопровождаются такими эмоциями. Страх и радость возникают не сами по себе, ни с того ни с сего, а лишь в связи с оценкой субъектами политики различных политических явлений и их значимости для субъектов.

Если рассматривать «иррациональное» как «находящееся за пределами разума», то никоим образом нельзя отнести к иррациональному стереотипы, установки, предубеждения и т. д., рассматриваемые в когнитивном (познавательном) аспекте, так как познание (как в шаблонных, так и нестандартных проявлениях) не является «находящимся за пределами разума». То же самое с полным основанием можно утверждать об интуиции и воображении, феноменам, тоже часто относимым к области «иррационального». Если «воображение политическое» состоит прежде всего «в создании представлений и мысленных ситуаций», а «интуиция в политике» — «способность постижения истины путём прямого её усмотрения без обоснования с помощью доказательств» [3, с. 184], то становится ясно, что «постижение истины» или «создание мысленных ситуаций» не находятся «за пределами разума», а, наоборот, представляют интерес именно в познавательном аспекте.

Внимательно анализируя попытки определения «иррационального» в социально-политической сфере, а также попытки выявления «иррациональной составляющей» различных объектов политологического исследования, мы увидим в политологии ситуацию, которая

ранее была зафиксирована В. В. Мироновым в философии [2].

Особенность ситуации состоит в распространении подхода, согласно которому рациональное сводится к научному, а понимание научного резко сужается вплоть до сведения к формально-логическому, или же научность понимается в стиле Нового времени, включая эмпирическую проверяемость, основанную на методах математических наук. Соответственно, к иррациональному относят то, что не вписывается в рамки подобного понимания «научно-рационального».

В. В. Миронов рассматривает проблему иррационального и рационального в рамках противостояния сциентизма и антисциентизма, а также показывает, что понятие рациональности отличается в зависимости от типа культуры. Данные современной психологии полностью согласуются с теоретическими положениями В. В. Миронова, свидетельствуя, что мышление — продукт культурного и исторического развития, что когнитивное развитие зависит от структуры социального окружения и что связи (понимаемые в рамках теории когнитивных схем), которые выстраивают люди, являются продуктом схем, моделей, существующих в общем и в целом в культуре, и в этом плане культура воспринимается как хранилище схем.

Как становится ясно на основе выводов В. В. Миронова, сциентистское понимание иррационального применяется также и в политологии, и в социальной психологии. Например, нередко отмечается, что иррациональное в политике (как нечто недоступное рациональному познанию и невыразимое в логических понятиях) обычно противопоставляется понятию рационального. Однако любые формально-логические требования к чистоте теории так и остаются идеальными конструкциями. Таким образом, сциентистские попытки сведения рациональности к формально-логическому, основанному на методах математических наук, оказываются несостоятельными. Становится понятным, что именно в рамках подхода, отождествляющего рациональность с узко понимаемой научностью, к иррациональному в политике причисляется ценностное, эмоционально окрашенное, связанное с интуицией, воображением, а, следовательно, и с мифом.

Однако к мифологии, в том числе и политической, в отличие от подхода, представленного А. Цуладзе и др., существует и другой подход, который представляется нам намного более обоснованным. Так, С. В. Разворотнева даёт следующее определение политического мифа: «Политический миф — эмпирический, но обычно непроверяемый объяснительный тезис, который предопределяет простейшую причинную теорию политических событий и широко поддерживается публикой» [4, с. 224].

В политике следует особенно учитывать не только объяснительную роль мифа, но и на заложенную в мифологии систему приспособления и регуляции. Политический миф влияет на поведение людей, поддерживая, предостерегая или запугивая, или консервируя апатию, или направляя агрессию в русло, указанное мифом, а также и многими другими способами.

В последнее время в отечественной политологии получил широкое распространение психоаналитический подход. В рамках этого подхода представляется возможность проследить связь современных концепций, рассматривающих глобальные проблемы в ракурсе «рационального-иррационального» с мифологическими архетипами. Так, критики господства рационалистических установок в современном обществе оперируют образами мифов «о наказанной гордыне», «героях-богоборцах», и т. д., часто в негативном контексте встречается образ Прометея.

В концепциях, подчёркивающих нарастающее противостояние между культурами и цивилизациями, прослеживается влияние образов вавилонского столпотворения. В умопостроениях, критикующих иррациональность современного общества, присущую ему хаотичность, бессмысленную жестокость непостижимых, противостоящих человеку сил, просматриваются аналогии с классическими сюжетами древних народных мифологий, современное общество предстаёт как «чудище стоглаво», требующее жертв, обманывающее, искушающее и пожирающее людей. Как правило, подобные сюжеты либо предполагают возможность победы над чудищем, либо перерастают в эсхатологическую линию, где «чудище» приобретает черты персонифицированного зла и извечного «Врага человечества».

Характерно, что в отечественной мысли глобальное прогнозирование приобретает черты национальных архетипных образов. Например, Ю. И. Семёнов в контексте современных глобальных процессов оптимальным вариантом для России считает её выступление в роли инициатора создания союза

периферийных стран, противостоящих «ортокапиталистическому» центру союза, который имеет целью оградить периферийные страны от угроз и агрессии Запада. [5, с. 622–656]. В таком подходе можно усмотреть проявление национальных архетипных образов при подчёркивании мессианской роли России в решении сложнейших проблем современного мира, хотя, конечно же, сведение рассматриваемого варианта Ю. И. Семёнова лишь к проявлению архетипов национального сознания было бы большим упрощением. Теория может содержать в себе след национального мифического сознания и при этом иметь большую научную ценность.

Безусловно, разнообразные психоаналитические подходы имеют право на существование и представляют интерес как для социальной мысли в целом, так и для аналитиков политической мифологии, культуры, общественного сознания. Но, по нашему мнению, не следует абсолютизировать их эвристическое значение, превращая в «универсального интерпретатора» всех социально-политических явлений.

Психоаналитический подход, получивший распространение в отечественной политологии, безусловно проливает свет на связь мифологии и архетипов с современными глобалистскими теориями, но не даёт возможности адекватного анализа и классификации концепций, связанных с ними подходов и определений в аспекте «рационального» и «иррационального», так как в рамках внутренних установок относит любую связь с мифологией и с коллективным бессознательным к области иррационального.

По нашему мнению, возможность более глубокого анализа дают методологические основания разработанного нами понимания феномена иррациональности [1]. В рамках нашего подхода иррациональное – это непознанное в объекте познания, представляющееся субъекту непознаваемым. Именно на этой методологической основе мифы (в том числе и политические или связанные с политикой) понимаются не как «тождественное иррациональному» или имеющее «целиком иррациональные корни, а как «попытка рационализации». Явное или скрытое обращение к образу вавилонского столпотворения рационализирует объективные трудности как индивидуального, так и общественного сознания при попытках «объять необъятное», то есть всё многообразие культур, языков, верований, ценностей и интересов мультиэтничного человечества. С одной стороны, образ указывает на изначальное единство, оптимистически намекая на то, что отказавшееся от греховных помыслов человечество вновь если не заговорит на одном языке, то хотя бы достигнет взаимопонимания, но с другой стороны, те же образы могут легитимизировать и консервировать разобщённость, отчуждённость и даже конфронтацию.

Миф о Прометее является попыткой рационализации объективных трудностей и противоречий любой преобразовательной деятельности и также содержит в себе возможности противоположных интерпретаций, как героически-поощрительной, так и пессимистически-разоблачительной, предостерегая человечество от любых попыток «поиграть с огнём». Огнём, понимаемым то как «энергия термоядерных реакций» то как «жар мартеновских печей», ухудшающий экологическую обстановку, то как «свет божественных знаний».

На основе нашего подхода становится ясно, отчего при столкновении с неожиданными, непрогнозированными социальными явлениями люди склонны относить их к иррациональному, особенно при признании их негативных последствий.

В данном контексте раскрывается тенденция «левых», «социалистических» и «марксистских» авторов называть капиталистическое общество «иррациональным». Если для марксиста природа капиталистических кризисов и их пагубных последствий теоретически должна быть понятна (на основе «руководства к познанию», изложенному в «Капитале» и др.), то для рядового пострадавшего от капиталистических катаклизмов «невидимая рука рынка» Адама Смита превращается в «Чёрную Руку» из детского фольклора, которая неумолимо приближается по его душу.

Причём так же, как в детском фольклоре, никто не знает, зачем эта «Чёрная Рука» поднимается по лестнице и стучит в твою дверь, чем объясняется её бессмысленная жестокость и чего ей надо от своих жертв, так и жертва «социальной мясорубки», выступая как микросубъект социальных процессов, не приемлет жестокого факта столкновения своих вполне разумных действий и интересов с обезличенностью и враждебностью макропроцессов. Классический пример: рачительный предприниматель, совершенно верно просчитавший свои действия и их последствия на микроэкономическом уровне своего предприятия, тем не менее,

становится банкротом в результате действия макропроцессов.

Если речь идёт о герое детского фольклора «Чёрной руке», то для нашего исследования небезынтересны выводы, которые делают детские писатели Э. Успенский и А. Усачёв [6, с. 183–184] в результате изучения именно этой фольклорной линии. Вывод о том, что этот жуткий персонаж (как и другие сюрреалистические персонажи) распространился в фольклоре нашей страны в первой половине XX века, как они считают, именно в результате определённых социально-политических процессов. Среди причин называется массовая урбанизация, разрыв с традиционной деревенской фольклорной базой и, прежде всего, «исчезновение людей» в результате массовых репрессий.

Возможно, что появление этого персонажа и связано с указанными социально-политическими процессами, но возникает вопрос о том, что же обеспечивало массовое хождение этого и других новых персонажей в 70-е и 80-е годы XX века, когда производился сбор фольклорных материалов. Мы бы сказали, что речь скорее идёт о попытке рационализации процессов, представляющимися непостижимыми детскому сознанию. Зло, и как самое наглядное его воплощение – страдание, страх и смерть, всегда с большим трудом «переваривается» сознанием, и не только детским, и всегда несёт черты непостижимости.

В условиях атеизации массового сознания и отсутствия доступа к традиционной мифологии извечного «Врага человечества с армией бесов» заменяет «Чёрная рука», схожая с извечным «Врагом» своей бессмысленной жестокостью и необъяснимым накалом ненависти к людям. Вероятно, что потеря «Чёрной рукой» антропоморфических черт, типичных для традиционных персонажей, может объясняться всё большим обезличиванием «зла» в индустриализационных и модернизационных процессах. В традиционном обществе люди воспринимают зло как «идущее от людей» или персонажей, похожих на людей, даже страх перед стихией персонифицируется (водяной, леший и др.).

В обществе модерна гибель людей в техногенной катастрофе из-за непредсказуемости внезапного сбоя техники так же бессмысленна, жестока и не объяснима чьим-то умыслом, как и внезапная атака «Чёрной руки». Не случайно среди новых сюрреалистических персонажей появляются зловещие техногенные персонажи «Зелёные пластинки», «Кукла-биоробот», «Автобус с чёрными шторками» и др. Безусловно, что одним из видов трансляции панического отношения к технике являются родительские предостережения «Не включай приёмник!», «Не подходи к стиральной машине!» и т. д. Но непредсказуемость техногенных катастроф и несчастных случаев, являющихся источником тревог современной цивилизации, оставила глубокий отпечаток и в детском сознании. Детский фольклор зафиксировал тот трагический факт, что детская экскурсия может не вернуться домой – «фактор опасности», многократно подтверждённый встревоженными и расстроенными лицами родителей, провожающими детей. Слишком сложные для детского сознания объяснения техногенных катастроф («несоблюдение техники безопасности», «инженерный просчёт», «ошибка диспетчера», «износ техники», «человеческий фактор», «преступная халатность» и пресловутый «стрелочник») заменяются загадочными «чёрными шторками», которые душат всех пассажиров. Так мы видим, что недоверие к технике, свойственное современному антисциентизму, присутствует и в новом фольклоре.

Так же, как и сознание взрослых, детское сознание отражает «сциентистскую линию». Традиционная мифология «модернизируется», и чтобы уничтожить оборотня, вызывают ракетные части, а вурдалаков травят химическими газами. Также следует отметить появившийся в детском фольклоре такой «социальный рецепт» как вызов милиции для борьбы с нечистой силой. Что интересно, такие способы в новом детском фольклоре нередко показывают свою эффективность.

Вера во всесилие техники несёт такой же фактор тревожности, как и неприятие техники, отражая в детском сознании все перипетии и споры мира взрослых. Существенно, что в детском фольклоре отражаются политические и идеологические реалии и политическая мифология взрослых. Так, в жутких историях появилась «кукла-биоробот», «перекачивающая кровь из людей в других биороботов», «на некоторых из этих кукол были надписи «Смерть советским детям», «Сделано в США» или «Сделано в Японии».

Но так ли далеко отрывается детская фантазия от действительности? Ведь использование взрывных устройств в детских игрушках и продуктах питания – это горький факт новейшей истории.

Характерно, что в новом детском фольклоре большую роль играют СМИ, что говорит

о времени происхождения данной разновидности фольклора, предшествующего эпохе Интернета. Временами радио или телевизор предупреждает об опасности и передает инструкции по борьбе с «нечистой силой», но чаще постфактум сообщает о неотвратимости трагедии: «Чёрная Рука идёт по улице... Чёрная Рука уже у тебя дома...»

И так же как мальчишка, который крикнул «А король-то голый!», детский фольклор многократно и во всеуслышание утверждает: «Взрослые живут в мире зла и слишком часто не в состоянии защитить от этого зла своих детей!»

Следует отметить, что восприятие зла как «иррационального» свойственно не только мифологическим, фольклорным, религиозным, эсхатологическим и консервативным течениям, но и современным марксистским, левым и альтерглобалистским концепциям. В «левой литературе» широко распространено отождествление «иррациональности» капитализма (империализма, глобализма) с его «безнравственностью». Здесь прослеживается влияние «этического рационализма» на современную социальную мысль. В глобальном контексте из этой позиции выводится опасность нравственной деградации человечества.

Так называемая «иррациональность общественной системы» состоит не в иррациональности сознания властных элит или широких масс, а в неосознаваемых ни элитами, ни широкими массами объективных кризисогенных факторах, следствия которых проявляются в повседневной жизни как непостижимый абсурд, «стоголовая гидра хаоса». Немаловажное значение имеет и тот факт, что правящие элиты зачастую не заинтересованы в выявлении объективной картины кризисогенных факторов.

Беспомощность субъектов политики в этой ситуации проявляется в истерическом поиске «врагов», подкармливающих «гидру хаоса», а беспомощность и отчаяние населения – в творении мифов о поголовном злодействе и злой воле политической власти, которая специально мучает народ, руководствуясь тайными целями. Отсюда распространенность в тяжёлые времена массовых мифов о том, что политические элиты составляют люди, являющиеся замаскированными выходцами из других стран и народов, или подкупленные иностранными державами, или психически больные, нравственно и интеллектуально ущербные, мстящие за что-то руководимому им народу и государству, и потому они стремятся к его ослаблению, уничтожению и порабощению. На деле же «мистическое злодейство заговорщиков от власти» – это преобладание обычных корыстных узкогрупповых интересов и/или проявление неумения анализа социальных процессов и влияния на них.

При использовании нашего подхода, на основе анализа политических мифов появляется возможность рассмотреть каждый политический миф с точки зрения выявления морально-психологического климата в обществе и отношения широких масс к политическим и экономическим процессам. Следует при этом учитывать, что на основе анализа политических мифов, в которых заложены сценарии приспособления к мифически интерпретированной действительности, можно делать выводы не только о наиболее болезненных общественных проблемах, но и о возможной реакции на них населения в случае, если ему не будут предложены никакие другие возможности выхода из проблемной ситуации, кроме тех, которые вытекают из мифа. И в этом контексте необходимо самое пристальное изучение политической мифологии, что возможно лишь при отказе от «мифа о полной иррациональности политической мифологии».

1. Лобжанидзе А. А. Иррациональное в социально-политической сфере общества [Текст] / А. А. Лобжанидзе. – М. : Макс-Пресс, 2008.

2. Миронов В. В. Образы науки в современной культуре и философии. М. : Гуманитарий, 1997.

3. Ольшанский Д. В. Политико-психологический словарь. Москва, Екатеринбург : Академический проект, Деловая книга, 2002.

4. Разворотнева С. В. Язык власти, власть языка // Психология и психоанализ власти / редактор-составитель Д. Я. Райгородский. – Самара : Издательский дом «БАХРАХ–М», 1999. – Т. 1.

5. Семёнов Ю. И. Философия истории [Текст] / Ю. И. Семенов. – М. : Современные тетради, 2003.

6. Усачёв А., Успенский Э. Нетрадиционные, иррациональные, сюрреалистические жуткие истории // Красная рука, Чёрная простыня, Зелёные пальцы. Жуткий детский фольклор / предисл., сост.: Э. Успенский, А. Усачёв. – М. : Экономика,1992.

7. Цуладзе А. Политическая мифология [Текст] / А. Цуладзе. – М. : ЭСКМО, 2003.